

Катрин Панколь

Желтоглазые крокодилы

КНИГА
популярнее
бестселлеров
**АННЫ
ГАВАЛЬДА!**

Катрин Панколь

Желтоглазые крокодилы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6991582
Желтоглазые крокодилы : [роман] / Катрин Панколь.: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078595-7

Аннотация

Тихая, добрая Жозефина всю жизнь изучала историю средневековой Франции и, можно сказать, жила в XII веке. Но ей пришлось вернуться к реальности, когда ее муж уехал с любовницей в Африку разводить крокодилов, а она с его долгами и двумя дочерьми осталась в холодном, циничном Париже без гроша в кармане. Здесь ее тоже окружают крокодилы, готовые наброситься в любой момент. Как ей выжить, одинокой и слабой, среди безжалостных хищников? Роман «Желтоглазые крокодилы» принес Катрин Панколь феноменальных успех, побив рекорды продаж книг Анны Гавальда.

Открыв для себя литературу, Катрин Панколь нашла способ никогда не скучать от одиночества и не грустить. Среди своих учителей она называет Бальзака, Колетт и Сименона, а первым ее читателем был Ромен Гари. Она француженка до мозга костей и одновременно космополит с бурным нью-йоркским прошлым. Завсегдатай легендарного клуба «Studio 54», где она вечера напролет веселилась с Энди Уорхолом, и удивительная домоседка.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Катрин Панколь

Желтоглазые крокодилы

*Шарлотте,
Клеману,
моим любимым...*

Katherine Pankol
Les yeux jaunes des crocodiles

Печатается с разрешения издательства Les Editions Albin Michel и литературного агентства Anastasia Lester

Перевод с французского *Елены Брагинской*

© Éditions Albin Michel S.A., Paris, 2006

© Брагинская Е., перевод, 2009

© ООО «Издательство Астрель», издание на русском языке, 2013

Часть первая

Жозефина вскрикнула, овощечистка выпала у нее из рук. Нож, скользя по картофелине, глубоко порезал кожу у основания запястья. Кровь, повсюду кровь. Она смотрела на свои синие вены, на алый порез, на белую раковину, на желтую пластмассовую решетку, на блестящие, только что очищенные картофелины. Капли крови падали одна за другой, забрызгивая белую эмаль. Она оперлась руками на раковину и заплакала.

Ей надо было поплакать. Почему – она не знала. Слишком уж много было у нее на то причин. Этот порез стал удобным поводом. Она поискала глазами тряпку, взяла ее и наложила жгут. Я превращусь в фонтан, в фонтан слез, фонтан крови, фонтан вздохов; я позволю себе умереть.

Да, это выход. Просто молча дать себе умереть. Медленно угаснуть, как свечка.

Умереть стоя над мойкой. Нет, поправилась она тотчас, стоя не умирают, умирают лежа на кровати, или на коленях, засунув голову в плиту, или в ванной. Она читала в какой-то газете, что чаще всего, чтобы покончить с собой, женщины выбрасываются из окна. А мужчины вешаются. Прыгнуть в окно? Она бы никогда не решилась... Другое дело – медленно истекать кровью и плакать, глядя, как слезы смешиваются с кровью. Медленно засыпать. Ну тогда брось тряпку, погрузи руки в наполненную водой раковину! И все равно... для этого тебе придется стоять, а стоя не умирают.

Только на поле боя. Во время войны...

Но война еще не началась.

Она шмыгнула носом, поправила повязку на руке и вытерла слезы. Взглянув на свое отражение в оконном стекле, заметила, что в волосах у нее по-прежнему торчит карандаш. Давай, сказала она себе, продолжай чистить картошку... Об остальном ты подумаешь после!

В то жаркое утро – всего лишь конец мая, а уже плюс двадцать восемь в тени – на одном из балконов пятого этажа, укрывшись от солнца под навесом, мужчина играл в шахматы. Сам с собой. Сделав ход, он пересаживался на место воображаемого противника, задумчиво попыхивая трубкой. Он склонялся над доской, вздыхал, приподнимал пешку, вновь ставил ее, убирал руку, снова вздыхал, снова хватался за пешку, делал ход, качал головой и пересаживался обратно.

Это был мужчина среднего роста, кареглазый, темноволосый, холеный. Безупречная складка на брюках, ботинки сияют, будто их только что купили и вынули из коробки, засученные рукава рубашки открывают тонкие запястья, ногти тщательно отполированы – сразу видна работа маникюрши. Ровный легкий загар явно не случайного происхождения дополнял картину – казалось, от него исходило золотисто-бежевое сияние. Он напоминал картонную фигурку в носочках и трусах, которую можно наряжать в разные бумажные костюмы: пилота, охотника, путешественника. Подобных мужчин изображают на страницах каталога, чтобы подчеркнуть достоинства мебели и внушить доверие к предлагаемой продукции.

Внезапно его лицо озарилось улыбкой. «Шах и мат, – прошептал он своему невидимому партнеру. – Старик! Я тебя сделал! Что, не ожидал?» С довольным видом пожал сам себе руку и, слегка изменив голос, поздравил: «Хорошо сыграно, Тони. Сильная партия».

Он встал, потянулся, почесал грудь. Отчего бы не пропустить стаканчик? Рановато, конечно. Обычно он пил аперитив вечером, в десять минут седьмого, когда смотрел по телевизору «Вопросы чемпиону». Передачу Жюльена Лопера он ждал, как ждут свидания, а если пропускал, страшно огорчался. Готовиться к ней начинал уже с половины шестого. Ему не терпелось сравнить себя с четырьмя чемпионами в студии, посмотреть, в каком пиджаке будет ведущий, в какой рубашке, какой выберет галстук. Он говорил себе, что пора бы самому попытаться счастья в телеигре. Каждый вечер говорил, но ничего не предпринимал.

Для участия нужно было пройти «отборочные испытания», и что-то в этом словосочетании его удручало.

Он приподнял крышку на ведерке со льдом, аккуратно взял два кусочка, бросил их в стакан, налил белого martini. Наклонился, поднял ниточку с ковра, выпрямился, сделал глоток вермута и даже причмокнул губами от удовольствия.

Каждое утро он играл в шахматы. Каждое утро одна и та же рутина. Подъем в семь, вместе с детьми, на завтрак – хорошо поджаренные тосты с маслом и абрикосовым джемом без сахара, свежавыжатый апельсиновый сок. Затем полчаса гимнастики, упражнения, укрепляющие мышцы спины, живота, груди и бедер. Чтение газет (за ними по очереди ходят девочки перед школой), изучение объявлений. Отправление резюме, если попадетс я интересная вакансия. Душ, бритье станком (мыло пенится под кисточкой), выбор одежды и, наконец, шахматная партия.

Выбор одежды – самый неприятный момент дня. Он уже не понимал, как ему одеваться. То ли в свободном стиле, более удобном, то ли все же в классическом? Один раз, когда он в спешке натянул тренировочный костюм, старшая дочь Гортензия сказала ему: «Папа, ты что, не работаешь? Ты все время в отпуске? А мне больше нравится, когда ты у меня красивый, в пиджаке, с галстуком, в наглаженной рубашке. Больше никогда не приходи за мной в школу в куртке». И потом, смягчившись, потому что он даже побледнел тогда – она впервые позволила себе говорить с ним подобным тоном, – добавила: «Это я для твоей же пользы говорю, папочка, любимый, чтобы ты оставался самым красивым папочкой в мире».

Гортензия права, к нему по-другому относятся, когда он хорошо одет.

Завершив партию в шахматы, он поливал цветы в ящике, укрепленном на бортике балкона, собирал сухие листья, обрезал мертвые ветки, опрыскивал свежие побеги, ложечкой рыхлил землю, если нужно, вносил удобрения. С белой камелией было много возни. Он занимался ею в последнюю очередь, разговаривал с ней, вытирал каждый листик.

Каждое утро одна и та же рутина, вот уже целый год.

Однако сегодня утром он нарушил свое обычное расписание. Шахматная партия оказалась трудной, нужно было внимательно следить за собой, чтобы не погрузиться в нее с головой и не забыть обо всем на свете: а это непросто, когда нечем заняться. Не потерять чувство времени, которое идет так незаметно и проходит, проходит... «Будь осторожен, Тонио, – сказал он себе, – держись. Не увлекайся, возьми себя в руки».

Он приобрел привычку думать вслух и сейчас недовольно нахмурил брови, поняв, что громко разглагольствует в тишине. Чтобы наверстать упущенное время, решил не поливать сегодня цветы.

Прошел мимо двери кухни, где жена чистила картошку. Увидев ее со спины, он в очередной раз отметил, как она располнела. Жирные бока, жирные ляжки...

Когда они переехали в этот дом в пригороде Парижа, она была тонкой и стройной, ни грамма жира.

Когда они переехали, девочки еще пешком под стол ходили...

Когда они переехали...

Совсем другое было время. Он приподнимал ее свитер, клал руки ей на грудь и вздыхал «дорогая», а она опускалась на кровать, растягивая обеими руками покрывало, чтобы не помялось. По воскресеньям она готовила обед. Девочки требовали ножи, хотели «помогать маме», оттирали кастрюли до зеркального блеска. Родители смотрели на них с умилением. Каждые два-три месяца девочек измеряли и отмечали рост на стене простым карандашом: маленькая черточка, дата, имя: Гортензия или Зоэ. И теперь, стоило ему прислониться к дверному косяку в кухне, его сразу охватывала грусть. Ощущение какой-то непоправимой утраты, воспоминание о годах, когда жизнь улыбалась ему. Такое чувство не возникало ни в спальне, ни в гостиной, именно здесь, на кухне, которая в прежние времена была средото-

чием счастья. Тепла, покоя, вкусных запахов. Дымились кастрюли, на краю плиты сушились тряпочки, на водяной бане таял шоколад, девочки кололи орехи. Они махали вымазанными в шоколаде руками, пальчиками рисовали себе усы и слизывали их языком; от пара на окнах возникали перламутровые узоры, и ему казалось, будто он – глава эскимосского семейства в иглу на Северном полюсе.

Раньше... Раньше счастье было с ними, прочное, надежное.

На столе лежала открытая книга Жоржа Дюби. Он наклонился, прочитал заглавие: «Рыцарь, дама и священник». Жозефина работала за кухонным столом. То, что прежде было ее хобби, теперь стало единственным источником дохода. Сотрудница Национального научно-исследовательского центра, изучающая жизнь женщин в XII веке! Прежде он с трудом мог удержаться от насмешек над ее работой: «Моя жена увлечена историей, но исключительно историей XII века... Ах-ах-ах...» Ему казалось, что заниматься этим способен только «синий чулок». «Двенадцатый век – звучит как-то не очень сексуально, дорогая», – говорил он, ущипнув ее за попу. «Ты не понимаешь, именно в эту эпоху Франция совершила решающий поворот к современности: торговля, деньги независимость городов...»

Он зажимал ей рот поцелуем.

А теперь этот XII век кормил их всех. Он кашлянул, чтобы обратить на себя ее внимание. Она обернулась: причесаться с утра не успела, волосы собраны в пучок и заколоты карандашом.

– Я пойду пройдусь...

– К обеду вернешься?

– Не знаю... На всякий случай не жди меня.

– Так бы и сказал: не вернусь!

Он не любил перебранки. Лучше было уйти сразу, крикнув «Ухожу, до скорого!» – и хоп, он уже на лестнице, и хоп, подавись ты своими вопросами, и хоп, останется только выдумать какую-нибудь ерунду по возвращении. А возвращался он всегда.

– Ты просмотрел объявления?

– Да... сегодня ничего интересного.

– Для мужчины, который хочет работать, работа найдется всегда!

Да не нужна мне абы какая работа, подумал он, но вслух не произнес, потому что знал наизусть продолжение их диалога. Надо было бы уйти, а он стоял, будто его пригвоздили к косяку.

– Я знаю, что ты мне скажешь, Жозефина, я все это уже знаю.

– Ты знаешь, но при этом ничего не делаешь, чтобы изменить ситуацию. Ты можешь заняться чем угодно, чтобы просто заработать нам на хлеб с маслом...

Он легко мог продолжить за нее, он знал все наизусть: «охранник в бассейне, садовник в теннисном клубе, ночной сторож на бензозаправке...», но его вдруг остановило слово «масло». Это слово как-то смешно звучало в разговоре о поисках работы.

– Ты еще можешь улыбаться! – процедила она, сверля его взглядом. – Я кажусь тебе такой приземленной со своими разговорами о деньгах! Мсье хочет кучу золота сразу, мсье не хочет утруждать себя пустяками, мсье хочет почета и уважения! А сейчас мсье вообще в жизни нужно только одно: пойти наконец к своей маникюрше!

– О чем ты говоришь, Жозефина?

– Ты прекрасно знаешь, о КОМ я говорю!

Она уже полностью развернулась к нему лицом: плечи расправлены, запястье обмотано тряпкой; она вызывала его на бой.

– Если ты намекаешь на Милену...

– Да, я намекаю на Милену... Ты еще не знаешь, отпустят ли ее домой на обед? Поэтому не хочешь отвечать, вернешься ли ты?

– Жози, остановись, это плохо кончится!

Но было поздно. Она уже думала только о нем и о Милене. Кто же это ее просветил? Сосед, соседка?

В этом доме у них было немного знакомых, но когда нужно позлословить, все сразу становятся друзьями. Должно быть, его заметили, когда он входил в дом Милены, через два квартала отсюда.

– Вы будете обедать у нее... Она, верно, приготовила тебе мясной пирог с зеленым салатом, не очень плотный обед, потому что ей-то потом надо на работу...

Она даже скрипнула зубами, напирая на «ей-то».

– А потом вы приляжете отдохнуть, она задернет занавески, сбросит на пол одежду и прыгнет к тебе на кровать, под белый кружевной балдахин...

С ума сойти! У Милены действительно над кроватью белый кружевной балдахин. Откуда она знает?

– Ты что, приходила к ней?

Она злобно рассмеялась, свободной рукой затянула потуже узел на тряпке.

– Ах, так я была права! Да нет, просто белое кружево к любой спальне подойдет! Красиво и удобно.

– Жози, прекрати!

– Что прекрати?

– Прекрати выдумывать то, чего нет.

– То есть у нее нет белого кружевного балдахина?

– Тебе с твоей фантазией надо романы писать...

– Поклянись, что у нее нет белого кружевного балдахина.

Внезапно его охватил гнев. Он больше видеть ее не мог. Его раздражал ее тон школьной училки, ее вечные попреки, вечные указания, что и как ему делать; раздражала ее сутулая спина, бесформенные и бесцветные шмотки, красное неухоженное лицо, тонкие жидкие волосы. Все в ней было каким-то вымученным и жалким.

– Я лучше уйду, пока этот спор не завел нас слишком далеко!

– К ней идешь, да? Скажи правду, может, хоть на это тебе хватит духу, если ты, лодырь, даже работу не можешь найти!

Все, с него довольно. Гнев стиснул голову обручем, застучал в висках. Он выплевывал слова, словно хотел побыстрее избавиться от них, чтобы уже невозможно было взять их потом назад.

– Ну что ж, да! Я встречаюсь с ней каждый день в половине первого. Она греет мне пиццу, и мы едим вдвоем в ее кровати под белым кружевным балдахином! Потом мы стряхиваем крошки, я расстегиваю ее лифчик – тоже белый и кружевной – и целую везде, везде! Что, довольна? Ты сама меня вынудила, я предупреждал!

– Это ты меня вынудил! Ступай к ней, можешь не возвращаться! Собирай чемодан и уходи! Невелика потеря!

Он с трудом отлип от дверного косяка, повернулся и, как сомнамбула, побрел в спальню. Достал из-под кровати чемодан, положил на покрывало, начал наполнять. Быстро опустошил три отделения для рубашек, три ящика для маек, носков и кальсон, складывая вещи в большой красный чемодан на колесиках, этот символ его бывшего величия, память о работе в американской фирме «Ганмен и К^о», выпускавшей охотничьи ружья. Он десять лет бесценно занимал пост коммерческого директора европейского отдела, сопровождая богатейших людей планеты на охоте – в Африке, в Азии, в Америке, в лесу, в саванне и в пампе. Там сложился прекрасный образ белого человека, загоревшего под южным солнцем, энергичного и остроумного, всегда готового выпить со своими клиентами. Он представлялся «Тонио». Тонио Кортес. Это звучало куда мужественней, чем Антуан. Ему вообще никогда

не нравилось собственное имя – казалось женственным, слащавым. А ведь надо было производить благоприятное впечатление на промышленников, политических деятелей, тщеславных миллиардеров, сынков известных родителей... Он услужливо смешивал им коктейли, выслушивал их истории, вникал в их проблемы, поддакивал, успокаивал, смотрел на заигрывания мужчин и женщин, на пронизательные глаза их детей, что постарели прежде, чем выросли, и гордился тем, что вращается в высшем свете, но не принадлежит к нему. «Да что там! Не в деньгах счастье!» – часто повторял он.

У него была отличная зарплата, большая премия в конце года, дорогая страховка и столько свободных дней, что в итоге он отдыхал чуть ли не вдвое больше положенного ему отпуска. Он с удовольствием возвращался в Курбеуа, в свой дом, построенный в восьмидесятые годы для таких, как он, молодых сотрудников, которые еще не заработали себе на достойную жизнь в Париже и пока лишь мечтали перебраться в один из шикарных районов столицы, глядя на огни большого города с другого берега Сены. Город сиял, как большой неоновый пирог, а они издали облизывались на него. Время не пощадило дом, фасад покрылся тонкой сетью трещин, оранжевые ставни выгорели на солнце.

Он никогда не предупреждал семью заранее о своем возвращении из очередного вояжа: просто открывал дверь, на минутку задерживался в прихожей и объявлял о своем прибытии, коротко свистнув, что означало у них: «Я здесь!» Жозефина обычно была погружена в свои исторические книжки, Гортензия бежала к нему и залезала своей ручонкой к нему в карман в поисках подарков, Зоэ хлопала в ладоши. Две девочки в домашних платьицах, одна в розовом, другая в голубом, красавица Гортензия, нахальная, вечно водившая его за нос, и сладкоежка Зоэ, кругленькая, гладенькая. Он наклонялся к ним, обнимал, приговаривая: «Ах, вы мои дорогие! Ах, вы мои дорогие!» Такой у них был ритуал. Порой ему случалось испытать легкий укол совести, когда он вспоминал о другом объятии, накануне... Но стоило сжать малышей покрепче, и воспоминание улетучивалось. Он ставил сумки и всецело отдавался роли героя. Выдумывал охоты и погони, как он прикончил ножом раненого льва, заарканил антилопу, сразил наповал крокодила. Они смотрели на него, раскрыв рты. Только Гортензия волновалась и переспрашивала: «А подарок, папочка? А подарок?»

Но потом в фирме «Ганмен и К^о» сменились хозяева, и его вежливо попросили с работы. Буквально на следующий день. «Вот вам и американская мечта, – объяснял он Жозефине. – В понедельник ты коммерческий директор с кабинетом в три окна, а во вторник ты уже в очереди на бирже труда!» Его уволили с неплохим выходным пособием, которое позволило ему еще некоторое время оплачивать квартиру, обучение детей, их лингвистические стажировки, обслуживание машины и зимние каникулы в горах. К удару судьбы он отнесся философски. Не с ним первым это случилось, но такие сотрудники на дороге не валяются, он работу мигом найдет... Правда, работа тоже на дороге не валялась. И вот, один за другим его бывшие коллеги сдавали позиции, соглашаясь на меньшую зарплату, на менее ответственную должность, на переезд за границу, а он все по-прежнему изучал колонки с объявлениями.

Теперь все его сбережения закончились, и оптимизм постепенно угасал. Тяжелее всего было ночью. Он просыпался часа в три, бесшумно вставал, наливал себе в гостиную виски, включал телевизор. Лежал на диване, тыкал в кнопки на пульте, прихлебывая из стакана. До недавнего времени он считал себя очень сильным, очень мудрым, невероятно пронизательным. Подмечая ошибки коллег, ничего не говорил, а только думал про себя: «Ну уж со мной такого бы не случилось! Я-то знаю!» Услышав о смене владельца и грядущих сокращениях, он сказал себе, что десять лет в «Ганмен и К^о» – серьезный стаж, и так просто его не вышвырнут за дверь.

Однако его уволили одним из первых.

Более того, первым. Он в ярости сунул кулак в карман брюк, подкладка треснула с резким звуком, от которого у него аж зубы свело. Он скривился, покачал головой, хотел было снять брюки и отнести жене, но тут вспомнил, что уходит. И чемодан почти собран. Вывернул карманы, оказалось, порвались оба.

Он рухнул на кровать и лежал, тупо разглядывая мыски ботинок.

Поиски работы его удручали; наклеивая марку на конверт с резюме, он становился одним из многих. Он думал об этом в объятиях Милены, рассказывал ей, что в один прекрасный день станет сам себе хозяин, «с его-то опытом». Он знал множество людей, повидал мир, владел английским и испанским, умел вести бухгалтерию, легко переносил жару и холод, пыль и ветер, не боялся moskitov и рептилий. Она слушала. Верила ему. Родители оставили ей кое-какие сбережения, но ему было страшно решиться, хотелось найти более надежного партнера для своей авантюры.

Они познакомились, когда в день рождения Гортензии он привел ее в парикмахерскую. Милену поразило то, с каким апломбом держалась двенадцатилетняя девочка, и она предложила сделать ей маникюр. Гортензия милостиво протянула руки. «Ваша дочь – прямо королевское величество», – сказала она отцу, когда он забирал девочку. С тех пор, когда у нее находилось время, она полировала ногти Гортензии, и та уходила, растопырив пальцы, любуясь своими сверкающими ноготками.

Ему было хорошо с Миленой. Маленькая, подвижная, обворожительная блондинка, к тому же робкая и застенчивая, что придавало ему еще больше уверенности в себе.

Один за другим он снимал с вешалок костюмы, прекрасно пошитые, из отличного материала. Да уж, раньше у него денежки водились. И ему нравилось их тратить.

– И еще будут! – подумал он вслух. – Тебе только сорок лет, дружище! Все еще впереди!

Собрав чемодан, он притворился, что ищет запонки, расшумелся – вдруг Жозефина услышит и прибежит умолять его остаться. Наконец вышел в коридор, встал в дверях кухни. Помедлил, все еще надеясь, что она сделает шаг к примирению... Но она неподвижно стояла к нему спиной. Тогда он объявил:

– Ну вот, все готово. Ухожу.

– Очень хорошо. Ключи можешь оставить себе. Наверняка ты что-нибудь забыл и еще вернешься. Предупреди меня, чтобы я на это время куда-нибудь ушла. Так будет лучше...

– Ты права, ключи я возьму... А что ты скажешь девочкам?

– Не знаю. Я еще об этом не думала.

– Отцу положено участвовать в таких разговорах.

Она выключила воду, оперлась о раковину и, по-прежнему стоя спиной к нему, произнесла:

– Если ты не против, я скажу правду. Мне не хочется лгать им... И без того тяжело.

– И что же ты им скажешь? – обеспокоенно повторил он.

– Правду: у папы больше нет работы, папа неважно себя чувствует, папе надо проветриться, вот папа и ушел...

– Проветриться? – эхом повторил он, слегка успокоившись.

– Вот именно. Так и скажем. Проветриться.

– Это хорошо, «проветриться». Это звучит не слишком безнадежно. Хорошо.

Напрасно он вновь оперся о дверь: тоска охватила его с новой силой, пригвоздила к месту, лишила сил.

– Уходи, Антуан. Нам больше нечего сказать друг другу. Умоляю, уходи!

Она повернулась к нему, показала глазами куда-то на пол. Он посмотрел туда и увидел чемодан на колесиках, о котором совершенно забыл. Значит, все происходит на самом деле и ему пора уходить.

– Ну что ж... до свидания... если ты захочешь увидеть меня...

– Ты позвонишь... или я оставлю записку в парикмахерской. Я думаю, Милена всегда будет знать, как тебя найти?

– Цветы надо два раза в неделю поливать и удобрять...

– Цветы? Да пусть засохнут! У меня и без них теперь полно забот.

– Жозефина, ради бога! Я не могу видеть тебя в таком состоянии... Ну хочешь, я останусь...

Она испепелила его взглядом. Он пожал плечами, взял чемодан и направился к входной двери.

И тогда она зарыдала. Вцепившись руками в раковину, она плакала, плакала, сотрясалась в рыданиях. Сперва плакала над тем, какую пустоту оставит в ее жизни этот человек, с которым прожито шестнадцать лет, ее первый мужчина, ее единственный мужчина, отец ее дочерей. Потом плакала из-за девочек, они ведь уже не смогут жить спокойно, с папой и мамой, как за каменной стеной. Плакала от страха, что одной ей не управиться. Антуан занимался счетами, налогами, оплатой кредита за квартиру, Антуан выбирал машину, прочищал раковину. На него во всем можно было положиться. Она занималась только домом и образованием дочерей.

Из состояния тупого отчаянья ее вывел телефонный звонок. Она шмыгнула носом, сглотнула слезы, подняла трубку.

– Это ты, дорогая?

Звонила Ирис, ее старшая сестра. Она всегда говорила бодрым, радостным голосом, будто объявляла по радио о скидках в супермаркете. Ирис Дюпен, сорока четырех лет, была высокой, стройной брюнеткой, ее длинные волосы, которые она носила распущенными, ниспадали ей на плечи, словно фата невесты. Ее называли Ирис за синеву глаз, напоминавших бездонные озера. В детстве ее частенько останавливали на улице. «Господи, боже мой!» – повторяли люди, восторгаясь глубиной ее темных, почти фиолетовых глаз, в которых плясали золотые искорки. «Немыслимо! Посмотри, дорогая! Я никогда не видел подобных глаз!» Ирис позволяла им любоваться собой, а потом, довольная, пресытившись их восторгами, хватала сестрицу за руку и тащила ее прочь, ворча сквозь зубы: «Вот болваны деревенские! Вообще ничего в жизни не видели! Анадо путешествовать! Путешествовать надо, ребята!» Последняя фраза ужасно веселила Жозефину, она изображала вертолет, вертелась на месте, раскинув руки, и громко хохотала.

В свое время Ирис во всем задавала тон, с легкостью получала любые дипломы, влюбляла в себя всех молодых людей вокруг. Ирис не жила, не дышала – Ирис царила.

В двадцать лет она уехала учиться в Штаты, в Нью-Йорк. Поступила на кинематографическое отделение Колумбийского университета, проучилась там шесть лет и закончила первой на курсе, получив возможность снять тридцатиминутный короткометражный фильм. Ежегодно двум лучшим выпускникам предоставлялись гранты на съемку фильма. Второй лауреат, молодой венгр, мрачный волосатый гигант, воспользовался церемонией, чтобы поцеловать ее за кулисами. Эта история осталась в анналах семьи. Имя Ирис могло прогреметь на голливудских холмах, но вдруг, неожиданно для всех она вышла замуж. Ей только исполнилось тридцать, она вернулась из Америки, удостоенная премии фестиваля «Санденс», собиралась снимать полнометражный фильм, которому сулили большой успех... Продюсер дал принципиальное согласие и... Ирис отказалась. Без всяких объяснений – оправдываться было не в ее правилах. Просто вернулась во Францию и вышла замуж.

Вот она в подвенечном уборе, перед мэром и кюре. На ее бракосочетании зал мэрии был переполнен. Пришлось ставить дополнительные стулья, некоторые гости притулились на подоконниках. Затаив дыхание, все ждали, что в последний момент она сорвет с себя белое платье и, представ обнаженной перед толпой, воскликнет: «Это была шутка!» Как в кино.

Ничего подобного не произошло.

Она казалась влюбленной по уши. Избранник, некий Филипп Дюпен, в черном фраке, что-то мурлыкал себе под нос. «Кто это, кто это?» – спрашивали приглашенные, беззастенчиво разглядывая незнакомца. Ирис рассказала, что они познакомились в самолете и это была «love at first sight»¹. Красавиц мужчина этот Филипп Дюпен. Один из самых красивых мужчин на свете, если судить по тому, как на него смотрели женщины! Он возвышался над толпой друзей невесты – непринужденный, чуть высокомерный, ироничный. «А чем он занимается? Бизнесмен... И что это они так спешат? Думаешь, есть причина?..» Не располагая точной информацией, гости всюду чесали языками. Отец и мать новобрачного присутствовали на церемонии с тем же слегка высокомерным выражением на лицах, что и у их сына: угадывался мезальянс. Гости разошлись по домам с каким-то неприятным осадком в душе. Ирис уже никого не воодушевляла. Она стала ужасающе нормальной, что с ее стороны было верхом безвкусицы. Некоторые вообще перестали с ней общаться. Королева пала, корона покатила по земле.

Ирис заявила, что ей на эти глупости наплевать, и решила целиком посвятить себя мужу.

Филипп Дюпен был невероятно, болезненно самоуверен. Он открыл собственное агентство по оказанию услуг в области международного коммерческого права, затем наладил партнерские отношения с видными юристами Парижа, Милана, Нью-Йорка и Лондона. Этот ловкий адвокат-крючоктвор брался только за самые безнадежные дела. Он добился успеха и искренне удивлялся, почему это удастся не всем. Девиз его был краток: «Если хочешь – сможешь». Он торжественно возглашал его, утопая в удобном кожаном кресле, потирал руки, похрустывал костяшками пальцев и глядел на собеседника так, словно изрек высшую истину.

Под его влиянием Ирис вычеркнула из своего лексикона такие слова, как сомнение, тревога, колебание. Ирис сама стала восторженной и категоричной. Ребенок слушался и отлично учился, муж зарабатывал деньги и содержал семью, жена занималась домом и была достойной парой супругу. Ирис оставалась красивой, бодрой, привлекательной, ходила на массаж, бегала трусцой, посещала косметолога, играла в теннис. Конечно, она не работала, но «есть женщины, которые не знают куда себя деть, тогда как другие умеют себя занять. Праздность – это целое искусство» – утверждала она. Себя она, конечно, причисляла к последним, а откровенных бездельниц глубоко презирала.

Видно, я на другой планете живу, думала Жозефина, слушая болтовню сестры, которая на этот раз завела речь об их матери.

Раз в две недели, по вторникам, на ужин к Ирис приходила мадам Мать, и главу семьи надо было принимать должным образом. На семейных ужинах полагалось улыбаться и выглядеть счастливыми. Естественно, Антуан всеми силами старался избегать этих сборищ и каждый раз выдумывал благовидный предлог, чтобы не прийти. Он не переносил ни Филиппа Дюпена, который в разговоре с ним расшифровывал все аббревиатуры: «КБО, комиссия по банковским операциям, Антуан», ни Ирис, которая смотрела на него, как на прилипшую к туфельке жвачку. «Когда она здорова со мной, – жаловался он, – она как будто вытесняет меня своей улыбкой, словно хочет вышвырнуть в другое измерение!» Ирис и впрямь ни в грош не ставила Антуана. «Напомни мне, куда устроился в итоге твой муж?» – это была ее любимая фраза, в ответ на которую Жозефина, запинаясь, бормотала: «Да пока никуда, по-прежнему никуда». – «А-а, ну ясно... так ничего и не решилось! – вздыхала Ирис. – Да и как оно решится: столько претензий при таких ограниченных возможностях!» Сколько же в ней все-таки фальши, подумала Жозефина, зажимая трубку между ухом и пле-

¹ Любовь с первого взгляда (англ.).

чом. Если Ирис чувствует к кому-то симпатию, то лезет в медицинский справочник – проверить, не заболела ли.

– Что-то случилось? У тебя странный голос... – между тем спросила ее Ирис.

– У меня насморк...

– Надо же, а я подумала... Так вот, насчет завтрашнего вечера... Ты про ужин с матерью не забыла?

– Что, уже завтра?

Она совершенно забыла об этом

– Ну, дорогая, что у тебя с головой?

Если б ты знала, подумала Жозефина, ища глазами носовой платок.

– Вернись в наше время, оставь ты своих трубадуров! Ты слишком рассеянна. С мужем придешь, или он опять нашел способ испариться?

Жозефина грустно улыбнулась. Назовем это как угодно: испариться, проветриться, развеяться, растаять как дым. Антуан постепенно превращался в летучую субстанцию.

– Он не придет...

– Понятно, придется придумывать новое оправдание для матери. Ты знаешь, что она не одобряет его вечные увертки...

– Вот уж на это мне глубоко наплевать!

– Доброта тебя погубит! Я бы уже давно выставила его за дверь. Ну да ладно, тебя не переделаешь, бедная моя девочка.

Ну вот, теперь начнет жалеть. Жозефина вздохнула. Ссамого детства она была малышкой Жози, гадким утенком и большой умницей. Жози любила длинные запутанные тексты, сложные ученые слова, подолгу засиживалась в библиотеке среди таких же зануд, прыщавых и неказистых. Жози отлично сдавала экзамены, но не умела красить глаза. Как-то раз, спускаясь по лестнице, Жози вывихнула лодыжку, потому что на ходу читала «О духе законов» Монтескье, в другой раз включила тостер, стоявший в раковине под струей воды, увлекшись радиопередачей о цветущих сакурах в Токио. Жози ночью долго не гасила свет в своей комнате, склонившись над тетрадами, пока ее сестра выходила в свет, блистала и пленяла. Ирис здесь – Ирис там, ну прямо как Фигаро!

Когда Жозефина поступила на отделение классической филологии, мать спросила, чем она собирается впоследствии заниматься. «Куда это приведет тебя, бедная моя девочка? В какой-нибудь лицей на окраине Парижа, где над тобой все будут потешаться? А потом изнасилуют тебя на крышке мусорного бака?» А когда она продолжила научную деятельность, защитила диссертацию и стала публиковаться в серьезных научных журналах, мать по-прежнему встречала ее недоуменными взглядами и скептическими замечаниями. «Экономический подъем и социальное развитие во Франции XI–XII веков» – деточка, ну кого это волнует? Лучше бы написала завлекательную биографию Ричарда Львиное Сердце или Филиппа Августа, людям это интересно! Из нее можно сделать фильм, а то и сериал! Хоть какая-то польза была бы от этой твоей учебы, ведь сколько лет я оплачивала ее, не жалея сил! – шипела она, как гадюка, негодующая, что детеныш ее слишком медленно ползет, потом пожимала плечами, вздыхала: – И как только я могла произвести на свет такую дочь?» Этот вопрос издавна мучил мадам Мать, буквально с первых шагов Жозефины. Ее муж, Люсьен Плисонье, обычно отвечал на это: «Аист ошибся капустным кочном». Видя, что его шутки никого не смешат, он в конце концов замолчал. Окончательно и бесповоротно. Однажды вечером 13 июля он, поднеся руку к груди, едва успел произнести: «Рановато еще лютовать-салютовать»², – и испустил дух. Жозефине было десять, Ирис – четырнадцать. Похороны были великолепны, мадам Мать – величественна. Она продумала все до мельчай-

² 14 июля во Франции отмечается национальный праздник – День взятия Бастилии. (Здесь и далее прим. перев.)

ших деталей: белые крупные цветы, брошенные на гроб, «Реквием» Моцарта, речи, заранее написанные для каждого члена семьи. Анриетта Плисонье надела точно такую же траурную вуаль, в какой хоронила мужа Джеки Кеннеди, и велела девочкам поцеловать гроб, перед тем как его опустят в могилу.

Жозефина и сама недоумевала, как могла девять месяцев провести в утробе этой женщины, считавшейся ее матерью.

Получив место в Центре научных исследований, куда приняли троих из ста двадцати трех соискателей, она радостно устремила к телефону, чтобы сообщить новость матери и Ирис, но ей пришлось повторить ее несколько раз, проорать во все горло, потому что ни та, ни другая не понимали причины ее воодушевления. Центр научных исследований? Как ее туда занесло?

Пришлось смириться: она их не интересовала. У нее еще оставались некоторые сомнения на этот счет, но в тот день они рассеялись. Единственное, что их развеселило, так это известие о ее свадьбе с Антуаном. Замужество делало ее более доступной для их понимания. Она наконец вышла из образа маленького нелепого гения и стала обычной женщиной, способной увлечься, зачать ребенка, свить гнездо.

Впрочем мадам Мать и Ирис очень скоро разочаровались: Антуан оказался ни на что не годен. Слишком ровный пробор – никакого шарма, слишком короткие носки – никакого стиля, слишком маленькая зарплата и к тому же сомнительного происхождения – торговля ружьями, какой позор! А главное, он так робел перед родственниками жены, что в их присутствии начинал обильно потеть. И потел так основательно, что у него не просто появлялись под мышками темные круги, а промокала вся рубашка, да так, что хоть отжимай. Недостаток слишком уж очевидный, приводивший всех в замешательство. Ему приходилось выскальзывать из гостиной, чтобы привести себя в порядок. Но главное, такое случалось с ним только в компании родственников жены. Никогда он не потел на работе. Никогда. «Ты просто привык быть на свежем воздухе, – пыталась объяснить Жозефина, протягивая ему чистую рубашку, которую брала с собой на все семейные сборища. – Ты никогда бы не смог работать в конторе!»

Жозефине вдруг стало безумно жаль Антуана, и она, позабыв, что собиралась держать язык за зубами, решила все рассказать Ирис.

– Я выставила его вон! Ох, Ирис, что теперь с нами будет?

– Ты выгнала Антуана? Нет, серьезно?

– Я больше не могла это терпеть. Он славный, ему было тяжело, это правда, но... мне было невыносимо смотреть, как он целыми днями ничего не делает. Возможно, мне не хватило стойкости...

– Это единственная причина? Или ты что-то скрываешь от меня?

Ирис понизила голос. Она заговорила участливым тоном, который использовала, когда хотела выудить из сестры признание. Жозефине ничего не удавалось скрыть от Ирис, ни одной своей беглой мысли, все почему-то выходило наружу. Более того, Жозефина сама доверяла сестре свои секреты, чтобы привлечь ее внимание и добиться ее любви.

– Ты не представляешь, каково жить с безработным мужем... Тружусь не покладая рук, и мне же еще за это перед ним неудобно. Работаю втихаря на кухне, между чисткой картошки и мытьем кастрюль.

Она посмотрела на кухонный стол и подумала, что надо бы его освободить, скоро девочки придут из школы, а им и пообедать негде. Она давно просчитала, что обеды дома обходились дешевле, чем в школьной столовой.

– Я думала, за целый год ты уже привыкла.

– Какая ты злая!

– Прости, милая. Но ты правильно поступила. Сколько можно его защищать? И что ты теперь будешь делать?

– Понятия не имею. Буду продолжать работать, конечно, но надо найти что-нибудь еще... Уроки французского, грамматики, орфографии, ну не знаю, я...

– Найти будет нетрудно, сейчас столько лентяев развелось! Взять хотя бы твоего племянника... Александр пришел из школы с нулем за сочинение. Ноль! Ты можешь себе представить лицо его отца! Я думала, он лопнет от злости!

Жозефина не могла сдержать улыбку. Великолепный Филипп Дюпен, отец лентяя!

– У них в школе учительница снимает по три балла за каждую ошибку, она с ними не церемонится!

Александр, единственному ребенку Филиппа и Ирис Дюпен, было десять, как Зоэ. Они вечно прятались вдвоем под столом и о чем-то сосредоточенно шептались с самым серьезным видом, или же убегали подальше от взрослых, чтобы спокойно строить гигантские сооружения из конструктора. У них была целая система подмигиваний и тайных знаков, настоящий язык, который страшно раздражал Ирис. Она пугала сына отслоением сетчатки, говорила, что он вообще станет дебилом. «У моего сына скоро начнется тик, он совсем отупеет, и все из-за твоей дочки!» – предрекала она, тыча пальцем в Зоэ.

– Девочки в курсе?

– Пока нет...

– И как ты им это объяснишь?

Жозефина молчала, корябая ногтем край пластикового стола. Она скатала из грязи маленький черный шарик и отбросила его в сторону.

Ирис не унималась, она опять сменила тон и теперь говорила нежным, обволакивающим голосом, от которого Жозефина совсем расклеилась и ей снова захотелось плакать.

– Я с тобой, моя дорогая, ты ведь знаешь, я всегда с тобой, я тебя никогда не оставляю. Я люблю тебя, как себя, а это ой как немало!

Жозефина чуть не рассмеялась. Ирис умеет развеселить! Раньше они частенько хохотали до упаду, но потом сестра вышла замуж, стала важной, серьезной дамой. И как они с Филиппом живут? Ни разу она не видела, чтобы Ирис с мужем расслабились, или обменялись нежными взглядами, или поцеловались. Словно у них не жизнь, а бесконечный раут.

Тут раздался звонок в дверь, и Жозефина прервала разговор:

– Это, наверное, девочки... Все, пока, и умоляю, никому ни слова! Я не хочу, чтобы завтра все только меня и обсуждали!

– Хорошо, до завтра. Помнишь? Крюк хотел схрумкать Крика и Крока, а Крик и Крок схрыпали Крюка!

Жозефина положила трубку, вытерла руки, сняла передник, вынула из волос карандаш, немножко их распушила и побежала открывать. Гортензия ворвалась в прихожую, не поздоровавшись с матерью, даже не взглянув на нее.

– Папа дома? У меня семнадцать баллов за сочинение. Да еще у этой дуры мадам Руффон.

– Гортензия, прошу тебя, повежливее! Это все-таки твоя учительница французского.

– Ага, настоящая свинья!

Юная девица не бросилась целовать маму и не устремилась в кухню за кусочком хлеба. Она не швырнула вещи на пол, а положила портфель и повесила пальто с изяществом юной графини на первом балу.

– Ты не хочешь поцеловать маму? – спросила Жозефина и расстроилась, услышав в своем голосе умоляющие нотки.

Гортензия подставила ей свою нежную щечку, тряхнув тяжелой копной темно-каштановых волос – душно.